

**БУК ВО «Вологодская областная юношеская библиотека
им. В.Ф. Тендрякова»
Читальный зал**

Экзамен на зрелость

**(Проблемы профессионального самоопределения героев
произведений В.Ф. Тендрякова)**

Вологда
2013

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

X17

Халявина О.А. Экзамен на зрелость : (Проблемы профессионального самоопределения героев произведений В.Ф.Тендрякова) : методическое пособие / О.А. Халявина; БУК ВО «Вологодская областная юношеская библиотека им. В.Ф. Тендрякова. – Вологда : ВОЮБ, – 37 с.

В методическом пособии «Экзамен на зрелость» раскрывается понятие «профессиональное самоопределение», рассматривается путь профессионального становления писателя В.Ф. Тендрякова, освещаются актуальные проблемы профессионального самоопределения героев произведений В.Ф. Тендрякова «Весенние перевертыши», «Ночь после выпуска», «Свидание с Нефертити», «Шестьдесят свечей», предлагаются примерные вопросы для обсуждения этих произведений.

Издание может быть полезно для библиотекарей, педагогов и всех, занимающихся творчеством В.Ф. Тендрякова.

Автор: О.А. Халявина, гл. библиотекарь читального зала ВОЮБ
редактор: Л.А. Молчанова, гл. библиограф

ответственный за выпуск: О.Н. Анфимова, директор ВОЮБ

©Халявина О.А.
© БУК ВО «Вологодская областная юношеская
библиотека им. В.Ф. Тендрякова»

Введение

Выбор профессии – одна из насущных задач юношеского возраста, от решения которой зависит дальнейшая трудовая судьба каждого молодого человека, его профессиональное самоопределение. Обращение к литературному наследию В.Ф. Тендрякова может помочь подрастающему поколению разобраться в сложных проблемах профессионального самоопределения в современном мире, в котором преобладают культ потребления, отказ от ответственности за выбор жизненного пути, стремление к материальному благополучию и личной выгоде в ущерб потребности в творческой самореализации не только ради себя, но и во благо общества.

Страстная проповедь писателя, его равнодушие к проблемам становления личности заставляют задуматься над проблемами самостоятельного выбора профессии, ответственности за этот выбор, а, главное, позволяют осознать необходимость постоянного творческого поиска смысла труда и предназначения человека.

В методическом пособии раскрывается сущность понятия «профессиональное самоопределение», рассматривается путь профессионального самоопределения писателя В.Ф. Тендрякова. В основной части рассматриваются проблемы профессионального самоопределения героев произведений В.Ф. Тендрякова: «Весенние перевёртыши», «Ночь после выпуска», «Свидание с Нефертити», «Шестьдесят свечей», предлагаются примерные вопросы для обсуждения этих произведений. В приложениях приводятся высказывания В. Тендрякова о писательском труде и высказывания деятелей литературы о творчестве В.Ф. Тендрякова. Прилагается список использованной литературы, где наряду с другими источниками указана неопубликованная автобиография из архивов писателя, которая проливает свет на профессиональное становление автора.

Глава 1. Профессиональное самоопределение

1.1. Что такое профессиональное самоопределение?

Подростковый и юношеский возраст (11 – 18 лет) – время активного самопознания и также время профессионального самоопределения молодых людей. Мир профессий велик и многообразен, включает в себя тысячи различных специальностей. Старшеклассники и выпускники школ сталкиваются с проблемами, которые связаны с выбором профессии, профиля дальнейшего образования и последующего трудоустройства.

На протяжении всей жизни человека происходит профессиональное самоопределение – поиск своего места в жизни, познание себя в труде.

Американский психолог А. Маслоу в качестве центрального понятия выделяет самоактуализацию – стремление человека совершенствоваться, выражать и проявлять себя в значимом для него деле. В этом смысле понятие «самоопределение» соотносимо с такими понятиями как «самореализация», «самоосуществление», «самоактуализация».

Философ П.Г. Щедровицкий рассматривает самоопределение как способность человека строить самого себя и свою профессиональную историю, как умение переосмысливать собственную сущность.

Психолог Е.А. Климов понимает самоопределение как активный поиск возможностей саморазвития, формирование себя как полноценного участника сообщества «делателей» чего-то полезного, сообщества профессионалов.

На наш взгляд, наиболее удачным можно считать понятие, данное профессором, доктором педагогических наук Н. С. Пряжниковым. *Сущность профессионального самоопределения* он определяет как *«поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также – нахождения смысла в самом процессе самоопределения»*. Пиком процесса профессионального самоопределения, переломным моментом жизни человека принято считать акт выбора профессии. Причем, профессиональное самоопределение не сводится только к одномоментному акту выбора профессии и не заканчивается окончанием профессиональной подготовки по избранной специальности, оно продолжается на протяжении всей трудовой жизни человека. Профессиональное самоопределение предполагает избирательное отношение к миру профессий в целом и к конкретной выбранной профессии, ядром этого процесса является осознанный выбор профессии с

учетом своих способностей, возможностей, осознания ценности труда и знания особенностей рынка труда, востребованности выбранной профессии.

Стоит отметить, что одним из парадоксов самоопределения как поиска смысла становится то, что уже найденный смысл тут же обесценивает жизнь, образуя как бы пустоту во внутреннем мире человека. Поэтому важен и сам процесс поиска смысла, где уже найденные смыслы – это лишь промежуточные этапы процесса самоопределения. Человек сам творит смыслы, становясь субъектом самоопределения. Следует учитывать, что у каждого человека в течение жизни появляются свои индивидуальные смыслы, отличные от смыслов других людей. Исключения составляют лишь эпохи войн и нравственных испытаний, когда народ или отдельные слои общества объединены одной идеей.

Хотя профессиональное самоопределение совершается в юношеском возрасте, ему предшествуют и последуют другие возрастные этапы развития личности как субъекта труда.

1. Дошкольное детство. В этот период главное место занимают сюжетно-ролевые игры, имеющие профессионально-ориентированный характер. Дети в своих играх подражательно повторяют опыт своих родителей, других взрослых, а также проигрывают те ситуации, которые они когда-то видели. Так происходит овладение основными смыслами человеческой деятельности, знакомство с конкретными профессиями (игры в шофера, во врача, в учителя). Трудовые действия детей дошкольного возраста (уход за одеждой, растениями и животными, помощь в уборке помещений и т.д.) развивают интерес к труду, способствуют воспитанию положительной мотивации к любой деятельности, обогащают знаниями о мире труда.
2. Младший школьный возраст – начало школьной жизни. Вступая в него, ребенок приобретает внутреннюю позицию школьника, мотивацию к учению. Учебная деятельность становится ведущей, на протяжении этого периода у ребенка развивается теоретическое мышление, он приобретает новые знания, умения, навыки – базу для последующего профессионального обучения. Ученик начальных классов овладевает ответственными действиями по обязательному заданию, сталкивается с целой системой новых для него обстоятельств и требований. В это время происходит развитие функций самоконтроля, самоанализа, способности планировать свою деятельность. Представления ребенка о мире профессий существенно расширяются не только за счет наблюдения за трудовой деятельностью взрослых, но и благодаря чтению.

3. Подростковый возраст характеризуется становлением планов на будущее. Существенным показателем социально-психологической зрелости подростка становится именно его отношение к своему будущему: определенность планов преобразуется в целеполагание и волевое решение определенных задач на пути к профессиональному выбору. Детские формы мечты о профессии сменяются размышлениями о ней с учетом реальных собственных возможностей и обстоятельств жизни, проявляется в стремлении осуществить намерения на практике. Однако, нужно отметить, что некоторые подростки полностью живут настоящим, мало размышляя о будущей профессии. В этот период многое может стимулировать появление интереса к определенной профессии: учение, люди, книги, телевидение, общение в соцсетях, Интернет в целом. Подростки многим интересуются, часто ориентируются в нескольких направлениях сразу, стремятся в поисках себя посещать различные секции и кружки, занятия в которых помогают осознать и развить свои способности, понять возможности и недостатки. По причине недостатка жизненного опыта они часто переоценивают свои возможности в привлекающей их профессии. Большую роль в подростничестве играет общение со сверстниками: подростки интересуются профессиональными планами одноклассников, обсуждают, спорят, сомневаются, отказываются от прежних мечтаний. Многие склонны поддаваться влиянию авторитетных взрослых людей и сверстников. А самоопределяющийся человек особенно остро нуждается, говоря словами Эриха Фромма, «в образе достойного человека в достойном обществе».
4. В юношеском возрасте происходит решение ответственных вопросов: кем быть (профессиональное самоопределение) и каким быть (личностное самоопределение). Старшеклассник должен не просто представлять себе свое будущее в общих чертах, а осознавать способы достижения поставленных целей. Юношеская устремленность в будущее только тогда благотворно влияет на развитие личности, когда есть удовлетворенность настоящим. Это предполагает самоограничение, отказ от подростковых фантазий, в которых ребенок мог стать представителем любой, самой привлекательной профессии. Будущему выпускнику школы приходится ориентироваться в огромном мире профессий, что совсем не просто, поскольку в основе отношения к профессиям пока лежит не свой собственный, а чужой опыт – сведения, полученные от родителей, знакомых, из СМИ и Интернета, этот опыт абстрактен, не пережит и не выстрадан. Кроме того, при выборе профессии нужно верно оценить свои возможности – уровень учебной

подготовки, здоровье, материальные возможности семьи, востребованность выбираемой профессии на рынке труда, и, главное, свои способности.

5. С 15-17 лет начинается новый период – время профессиональной подготовки к трудовой деятельности в училищах, колледжах, вузах. На этом этапе у юноши или девушки укрепляется уверенность в оправданности сделанного выбора, происходит процесс кристаллизации профессиональной направленности личности, постепенное усвоение будущей социально-профессиональной роли способствует осознанию себя как представителя определенного профессионального сообщества. В противном случае – случае ошибочного выбора – молодой человек может переживать неудовлетворенность и разочарование в сделанном выборе учебно-профессионального поля, за которым может следовать изменение профессиональных интересов, намерений, смена учебного заведения и профессии.
6. Вхождение в профессию после завершения профессионального обучения охватывает период от нескольких месяцев до трех лет. В это время происходит освоение профессии на практике, «врастание» в рабочий коллектив.
7. Стадия интернала предполагает вхождение человека как полноценного профессионала – «своего среди своих».
8. Стадия мастера характеризуется становлением профессионала как лучшего среди лучших, выделяющегося на общем фоне.
9. На предпоследней стадии профессиональной деятельности – стадии авторитета – мастер своего дела становится лучшим среди мастеров.
10. Стадия наставничества предполагает, что лучший среди профессионалов становится учителем, передающим свои богатые знания и опыт молодому поколению будущих профессионалов.

Профессиональное самоопределение человека, таким образом, охватывает всю его трудовую жизнь – от возникновения профессиональных намерений до выхода из профессиональной трудовой деятельности. При этом одним из важнейших критериев зрелости личности является способность находить личностный смысл в профессиональном труде, самостоятельно проектировать, творить свою профессиональную жизнь, ответственно принимать решения о выборе профессии и места работы. Постоянное уточнение своего места в мире профессий, осмысление своей социально-профессиональной роли, отношения к профессиональному труду, коллективу и к самому себе, включая рефлексии и анализ своих профессиональных достижений и ошибок, становятся важными компонентами жизни человека.

Профессиональное самоопределение, однако, является особой формой более общего понятия – личностного самоопределения, которое в психологии понимается как «сознательный акт выявления и утверждения собственной позиции в проблемных ситуациях». Высшим проявлением личностного и профессионального самоопределения можно назвать самоактуализацию – полную реализацию человеком своего потенциала, стремление к постоянному самосовершенствованию, неотягощенность при этом множеством пороков, таких как зависть, эгоизм или цинизм.

В жизни самоактуализирующегося человека нет места депрессии, пессимизму и эгоизму, он отличается высокой самооценкой, чувством собственного достоинства, терпением по отношению к другим людям, независимостью от условностей (часто напоминая ребенка, открывающего мир заново и ощущающего в парадоксальности этих открытий мир как чудо!), простотой и демократизмом, обладает чувством юмора философского характера, склонен к переживанию таких «пиковых чувств», как вдохновение.

1.2. Путь профессионального самоопределения Владимира Тендрякова.

«Каждый человек должен стремиться оставить после себя наиболее яркий и глубокий след в жизни. Не хватает у него сил, что ж делать? Но стремиться к этому он обязан»
(В.Ф. Тендряков)

Владимир Тендряков проработал в литературе 35 лет. Многие его произведения вызвали бурный интерес и порождали ожесточенные споры не только среди литературных критиков, но и среди учащейся молодёжи, учителей, юристов, колхозников. Его книги были переведены более чем на тридцать языков мира. И о чем бы ни писал автор: о проблемах советской деревни 30-х – 50-х годов прошлого века («Подёнка – век короткий», «Кончина», «Не ко двору», «Три мешка сорной пшеницы»), о проблемах школы и духовно-нравственного воспитания молодёжи («Весенние перевертыши», «Чудотворная», «Ночь после выпуска», «Расплата», «Шестьдесят свечей») или об осмыслении судьбы страны в прошлом, настоящем и будущем («Охота», «На блаженном острове коммунизма», «Покушение на миражи», «Чистые воды Китежа»). основным критерием его писательского труда было «видеть всё при свете совести и только при этом свете».

Путь профессионального самоопределения Владимира Федоровича Тендрякова был таким же непростым, как и время, в которое происходило формирование писателя: свои отпечатки на этом пути оставили Октябрьская революция 1917 года со стремлением к

светлому будущему и всеобщей грамотности, голод, коллективизация и раскулачивание 30-х годов прошлого века: репрессии и хрущевская оттепель, и, конечно же, опалила жестокая правда Великой Отечественной войны. свидетелем и очевидцем которой он стал.

Как же мальчик, родившийся 5 декабря 1923 года в «глухой вологодской деревне, которая и сейчас-то глуха – сто четыре километра от железной дороги», смог стать известным писателем?

Володя был старшим сыном в семье убежденного коммуниста, подымавшего восстание большевиков в Свеаборге, красногвардейца и участника гражданской войны, партийного работника, позже – народного судьи, районного прокурора Федора Васильевича Тендрякова и его жены Татьяны Петровны, работавшей в колхозе. Женщина большого трудолюбия, она первой в селе стала выращивать кабачки, помидоры, тыквы и даже небольшие арбузы. Трудолюбивыми росли и сыновья: Владимир и Вадим. Семье по долгу службы отца приходилось часто переезжать с места на место, из одного района в другой: за короткий срок они жили в Сямже, Вельске, Вологде, Грязовце, Опарине, Каргополе, Вожеге.

В Вожеге Владимир учился уже в средней школе, стал запоем читать книги. «жадно глотал популярные изложения по астрономии и любую фантастику о межпланетных путешествиях», мечтал о полетах на Марс и не мог оставаться спокойным, когда рядом, в сквере у вокзала, умирали истощенные голодом, лишенные всяких средств к существованию люди – вывезенные из Украины раскулаченные крестьяне.

В детстве будущий писатель выискивал в журнале «Огонек» репродукции картин известных художников, собирал их в папки, увлекался рыбалкой и зимним подводным ловом, игрой в шахматы, часто приходил домой избитый и в разорванной одежде, «сразившись с теми, что несли в мир жестокость».

Школу-десятилетку Владимир Тендряков закончил уже в селе Подосиновец (ныне Кировская область). Как вспоминает его одноклассник Анатолий Ушаков, «Владимир Тендряков был каким-то особенным учеником. По литературе в аттестате, как ни странно, стояла «тройка» ... Все педагоги прочли ему будущее художника. Володя уходил на берег чистой лесной Пупмы и рисовал пейзажи дешевыми акварельными красками. Часами мог мечтательно смотреть вдаль, о чём-то думать или вырисовывать на бумаге могучие корни вывороченного половодьем пня. Нам, его сверстникам, это занятие казалось пустяковым. Но Володю мы уважали за начитанность и искусство портрета». Кроме тяги к живописи и стремления стать профессиональным художником, несомненным увлечением Владимира была литература. Уроки её вёл будущий известный

кировский писатель Аркадий Александрович Филёв, убеждавший своих учеников в высоком предназначении писательского творчества. Вместе с одноклассниками Володя активно занимался в литературном кружке, писал и рисовал для школьной стенгазеты. Но, вероятно, тот факт, что он получил на экзамене «тройку» за сочинение (единственную в аттестате!), потому что допустил одиннадцать ошибок, убедил выбрать профессию художника.

Сразу после окончания школы планам стать новым Левитаном сбыться не удалось – началась самая кровопролитная для нашей страны война. Через несколько дней после ее начала ушел на фронт отец, а в ноябре 1941 года сам Владимир – добровольцем. Он окончил школу младших командиров в звании сержанта-радиста, был начальником батальонной радиостанции. В боях под Сталинградом получил первые боевые раны, 21 августа 1943 году был тяжело ранен в левую руку осколком снаряда под Харьковом. После полугода лечения в госпиталях его демобилизовали. Позднее писатель признается: «Увы, я не был героем войны, на моей совести нет ни одного убитого. Героем не был, а тружеником войны – пожалуй... За все время на фронте я ни разу не был в рукопашной, всего раз или два по случаю выстрелил в сторону противника, наверняка никого не убил, зато вырыл множество землянок и окопов, таскал пудовые катушки и еще более тяжелые упаковки питания радиостанции, прополз на животе несчитанные сотни километров под взрывами мин и снарядов, под пулеметным и автоматным огнем, изнывал от жары, коченел от холода, промокал до костей под осенними дождями, страдал от жажды и голода, не смыкал глаз по неделе, считал счастливым блаженством пятиминутный отдых в походе. Война для меня, маменькиного сынка, неусердного школьника, лоботряса и белоручки, была, прежде всего – тяжелый и рискованный труд, труд до изнеможения, труд рядом со смертью». Писатель и друг Тендрякова Камил Икрамов с горечью отмечал, что из поколения парней, которым исполнилось к началу войны восемнадцать лет, с фронта вернулись не более трёх процентов, но это поколение дало нашей литературе очень хороших писателей.

Вернувшись после демобилизации в родные края, Владимир Тендряков преподавал физкультуру и военное дело подосиновским школьникам. Позже он по настоянию Аркадия Филёва, ставшего секретарём районного комитета партии, перешел на работу секретарём райкома комсомола по сельскому хозяйству, исколесил окрестные голодающие деревни, выбивая для фронта хлеб, фураж, теплую одежду.

Первой же послевоенной осенью Владимир решил осуществить заветную мечту всей жизни – веря в свои способности, он «не хуже других» сдал вступительные экзамены

и поступил на художественный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИКа).

В это же время Владимир стал первым критиком нового романа своего учителя и друга Аркадия Филёва, долго крепился, но не выдержал – тайно начал сам сочинять повесть. Ему шёл тогда 22 год. И хотя повесть «Экзамен на зрелость» не была напечатана, как предполагалось издательством «Молодая гвардия», читавший её писатель Николай Агаров отмечал: «Повесть написана человеком, абсолютно не представляющим, что такое литература. Никакой школы. Полное отсутствие технических навыков. Ужасный язык... Но за всеми несуразницами и промахами – редкая наблюдательность, неподдельная искренность, живая душа». Так школьный учитель смог повлиять на выбор призвания, об этом влиянии Тендряков весьма эмоционально отозвался однажды в письме: «Ты в том повинен, ты убил во мне художника, заразив литературой. Тебе я обязан, что заболел хронической и тяжелой болезнью, называемой – писательство. Кто знает, добрался бы я до письменного стола?»

Видимо, поучившись на художественном факультете, Тендряков начал ощущать себя «недостаточно даровитым», поскольку, например, во время экзамена по живописи многие подходили смутреть его натюрморт и оценивали работу как «яичницу с луком»: цвета, наложенные на холст, слишком яркие, «какие-то дикие», сама картина написана очень быстро, всего за полчаса, в то время нужно было писать много дней. Стоит отметить, что страсть к живописи писатель пронёс через всю жизнь, в его архиве хранится много эскизов, набросков с натуры, портретных зарисовок близких и друзей, и он сам, например, сделал иллюстрации к первому изданию романа «Свидание с Нефертити». В интервью журналу «Вопросы философии» писатель так отозвался о смысле художественного творчества: «Цель и назначение искусства я вижу в способности возбуждать сильные чувства и через это убеждать».

Разочаровавшись в перспективах своей учебы во ВГИКе, будущий прозаик перешёл на следующий год в кузницу литературных кадров советской страны – Литературный институт имени М. Горького. Здесь одновременно с ним учились такие будущие писатели, как Григорий Бакланов и Владимир Солоухин, поэт Расул Гамзатов. В тот тревожный период «борьбы с безродным космополитизмом» и «охоты на ведьм» помимо лекций и семинаров (Тендряков занимался у К. Паустовского) большое влияние на студентов оказал и так называемый «коридорный институт» – неформальные студенческие споры и дискуссии о предназначении литературы и искусства и путях их развития. «Сельский парень, находившийся до сих пор среди людей далёких от проблем литературы, варившийся в собственном соку, попал к тем, кто любит литературу, считает

её целью своей жизни. преисполнен воинственно рыцарскими пристрастиями и антипатиями. Я пошёл туда, где стихами говорили чаще, чем прозой, где фанатически поклонялись слову. Наверняка, без «коридорного института» мои вкусы, мои профессиональные навыки созрели бы более медленно и вяло...», вспоминал Владимир Тендряков впоследствии. К. Г. Паустовский назвал его в письме к Э. Казакевичу лучшим из молодых писателей. Первым напечатанным произведением можно считать военный рассказ «Дела моего взвода» (опубликован в журнале «Молодая гвардия» в 1948 году). Он был издан всего два раза, автор стеснялся его, считая неумелой пробой пера.

С 1951 года, получив диплом по специальности «литературная работа», Владимир Федорович работает журналистом, пишет статьи и очерки о сельских буднях для журнала «Огонёк», сотрудничает с журналом «Смена». Но и журналистом Тендряков стать так и не сумел, «вероятно, тут сказалась особенность характера, я так и не научился «хватать материал», пытаюсь, что называется «подножным кормом». Мне нужно переварить материал, пропустить его через себя, а это требует больших усилий, в первую очередь – времени».

В начале 50-х годов внимание критики впервые привлекла остропроблемная повесть о вступившем в сделку с собственной совестью председателе колхоза «Падение Ивана Чупрова». Принято считать, что с этой повести и начался Тендряков-писатель. Он полагал, что профессия писателя «позволяет более широко, чем людям других профессий высказывать свои взгляды на жизнь, своё отношение к тому, что совершается сейчас». Путь творческой эволюции Владимира Федоровича в литературе проходил от создания им произведений, близких по духу господствовавшей в 50-е годы прошлого века «теории бесконфликтности» (повести «Среди лесов», «Не ко двору», «Тугой узел», «Ухабы», «Чудотворная»), к глубокому и бескомпромиссному анализу острых проблем окружающей действительности и попытке осмыслить будущее России в сочинениях середины 60-х – начала 80-х годов («Суд», «Кончина», «Чрезвычайное», «Шестьдесят свечей», «Расплата», «Ночь после выпуска», «На блаженном острове коммунизма», «Покушение на миражи» и др.). И всегда в центре внимания – человек и её взаимоотношения с другими людьми, с властью, а главное – с самим собой и собственной совестью. Некоторые произведения Тендрякова («Донна Анна», «Хлеб для собаки», «Люди или нелюди», «Революция! Революция! Революция!» и др.) писались «в стол» и увидели свет только в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Следует также отметить, что, помимо собственно писательского труда Владимир Тендряков, занимал также и административные должности: был членом правления Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР, членом редколлегии журнала «Наука и религия».

Отличительными чертами творчества писателя критики называют острую конфликтность и полемичность, полифоничность, предельный драматизм ситуаций, публицистичность и активную проповедь нравственных ценностей. Как никогда актуально звучит высказывание Владимира Фёдоровича о том, что литература является мощным средством воспитания: «Тот писатель, который не ставит перед собой задачу воспитания, ограничивается развлекательностью, желанием просто-напросто убить время читателя, напоминает шофера, который перевозит на своём многотонном грузовике связку бубликов. Литература способна «везти» на себе куда больший «общественный груз. Писатель должен участвовать в самой важной области созидания – в создании духовного мира человека». Смысл писательской профессии Тендряков видит в художественном воздействии на чувства читателя, в побуждении его не только познавать жизнь, но думать над жизнью: «распевелить общественную мысль, вызвать тревогу, заставить задуматься. Литература должна ставить вопросы, решать которые обществу».

Глава 2. Решение вопросов «кем быть?» и «каким быть?» героями произведений В.Ф. Тендрякова

2.1. Открытие многомерного мира Дюшкой Тягуновым

Профессиональное самоопределение подростка в повести «Весенние перевёртыши» (1973 г.)

Повесть Владимира Тендрякова «Весенние перевёртыши» критика приняла с самого начала единодушно, ее называют одним из самых лиричных и поэтичных по своей тональности произведений писателя. Автор задумывал писать ее еще в начале 60-х годов прошлого века, когда мальчишки грезили о таких опасных и героических занятиях, как космонавт, геолог, покоритель целинных земель. Он основывался во многом на своих детских переживаниях и стремлениях, мечтах о покорении космического пространства и поисках истины, с безграничной верой в могущество науки.

Главный герой повести – обычный тринадцатилетний мальчишка Дюшка Тягунов, под влиянием первой любви он заново открывает для себя окружающий мир. И вдруг обнаруживает, что его соседка Римка Брагенева похожа на жену Пушкина. После этого он становится неравнодушным к литературе и эстетике (его волнуют стихотворение «Моя мадонна» и портретный образ красавицы Натальи Гончаровой). Это открытие подтолкнуло мальчишку к созданию необычной теории о том, что поскольку человек состоит из атомов и молекул, то атомы и молекулы Гончаровой могли через столетие «сложиться» в Римку Брагеневу. Читая книгу, которую дал увлеченный физикой

старшеклассник Левка Гайзер. Дюшка осознает, как велика и холодна Вселенная и насколько мал человек. Он постигает, что время движется и что оно относительно, есть «бабьино» и «кошкино» время. Эта новизна окружающего дает радостно-захватывающее ощущение полноты бытия. Чувство первой любви и стремление к гармонии с миром заставляют героя повести бороться со злом и несправедливостью в лице мучавшего лягушек и подчинявшего своей воле младших ребят Санькой Ерахой. Дюшка воспитывается во вполне благополучной семье. Его отец, Федор Алексеевич Тягунов, работает инженером по механической выгрузке леса в поселке Куделино. Он энергичный, трудолюбивый, «его побаиваются, его уважают, в нем нуждается, всё время ищут... Он заседает, он командует, перебрашивает, ремонтирует, ругается, хвалит, отчаивается, общается надбавки: *Фёдор Тягунов-старший – человек, открытый для всех*».

Мама мальчика работает врачом в больнице, ее часто вызывают по ночам к больным, она постоянно переживает за каждого пациента и спасает жизни людей ценой собственного здоровья и времени. Дюшка гордится профессионализмом и созидательной деятельностью своих родителей, он говорит своему другу и однокласснику Миньке Богатову, отец которого считается чудачком и неудачливым графоманом: «Я отца, Минька, люблю, он, увидишь, такое завернет здесь, в поселке, ахнут все. И мать у меня, Минька, хорошая. Очень, очень, очень хорошая, она людям умирать не даёт. Сама, Минька, устаёт, ночей не спит, чтоб другие жили. . . Хорошо устывать, чтобы другие жили». Мы видим, что родители сумели привить мальчику любовь к труду не только для себя и близких, но и для общественного блага, самоотверженность и честность. И Дюшка хотел бы сделать счастливым многих людей в активной созидательной деятельности. Вот как он мечтает о своей будущей профессии, преодолев себя и решив, наконец, трудную и неинтересную задачу по математике: «Он станет великим математиком и прославит школу, посёлок Куделино, отца, мать, Миньку, с которым дружит, бабушку Климовну, которая его вынянчила. Он вместе с Лёвкой откроет, что Вселенная бесконечна...». Эти планы подростка на жизнь чисты и бескорыстны, *он хочет славы, но не лично для себя, а для близких людей*.

Но, открывая новое видение мира, который неожиданно начал ранней весной играть с ним в перевертыши, он начинает понимать его жестокость и неоднозначность, а не только красоту и гармонию, их-то как раз и не хватает подростку, хотя бы потому, что существует на свете самый страшный неотвратимый человеческий враг – смерть. Дюшкина мама однажды пришла из больницы растроенная, она не смогла спасти жизнь маленькой девочке из дальней деревни. Переживающий сын спрашивает: «Мам, девочка ожить ещё может?» Мать говорит, что такой о не бывает, но Дюшка продолжает надеяться:

«Мам, для этого надо знать только, что Вселенная бесконечна. Если бесконечна, то обязательно... И ты, и я, и все, и девочка». Но тут диалог резко прерывает рассерженный отец, он «громыхнул стулом» и назвал мечты сына о бессмертии чушью.

В своих страстных поисках и парадоксальных открытиях Дюшка сталкивается с непониманием окружающих, страдает от одиночества и неразделенности другими его чувств и мыслей.

Помощь в самоопределении Дюшке пытается оказать учитель математики Василий Васильевич, или, как его называют дети, «Вася-в-кубе». «Он верил, что талантливы все люди, только сами того не знают, а потому таланты остаются нераскрытыми. И он, Вася-в-кубе, усердствовал, раскрывал». Придя к родителям мальчика, чтоб побеседовать о будущем их сына, он упрекает их, что в семье мало внимания и времени уделяется трудовому воспитанию. «Вы трудолюбивы, вы работоспособны, а сын, увы, этого от вас не перенял. Не перенял и вашу кипучую энергию, и ваше чувство ответственности перед делом».

Постоянно занятым на работе родителям некогда общаться с ребёнком, некогда быть с ним терпеливыми и внимательными. Отец признается учителю: «...сына вижу только вечером. И мать тоже по горло занята. На Клавдии Климовне он...». А Клавдия Климовна даже не родная бабушка, просто сердобольная соседка, переживающая за всех в семье Тягуновых.

Левка Гайзер, взявший над мальчиком шефство, чтобы помочь с математикой, сначала относится к нему снисходительно, даже ровесник Минька настороженно спрашивает Дюшку, поделившись с ним своими открытиями, не заболел ли он. Мальчик, должно быть, так одинок в семье, что называет постоянно стоящий возле окна их дома кран – гордость отца, своим братом: «Вот кран стоит, он мне вроде брата, Минька! Потому что поставлен отцом». Невнимание взрослых к детским проблемам привело однажды к трагедии: Санька Ераха ранил слабого Миньку Богатова ножом за то, что он осмелился защищать Дюшку в учительской.

Владимир Тендряков в «Весенних перевертышах» сумел так раскрыть внутренний мир подростка, находящегося на пороге личного и профессионального самоопределения, что во многочисленных письмах детей автору после выхода повести в свет отражено, что Дюшкины поиски они воспринимали как свои собственные. Писателю удалось проникнуть в мысли тринадцатилетних и понять их. В этом произведении Тендряков ставит очень злободневную на сегодняшний день проблему одиночества подростка на пути становления его как личности и будущего профессионала, непонимания

в семье, в которой родители полностью поглощены работой и даже за завтраком и ужином могут говорить только о ней. Не похожая ли ситуация сегодня, когда стремление к карьере современных родителей выше заботы о духовном становлении ребенка?

Вопросы для обсуждения после прочтения повести «Весенние перевертыши»:

1. Предположите, кем может стать Дюпка Тягунов в будущем? Какая профессия подошла бы ему больше всего?
2. Какие личностные качества могут помочь ему реализоваться в профессиональном плане?
3. Как может сложиться профессиональная судьба его друга Миньки Богатова?
4. Пофантазируйте, как сложится дальнейшая профессиональная карьера Минькиного отца, несостоявшегося поэта Никиты Богатова?
5. Какой профессиональный путь выберет мечтающий о бессмертии Левка Гайзер?
6. Как может преобразиться посёлок Куделино через десять – двадцать лет, когда подростки получат выбранную профессию? Как они смогут повлиять на эти изменения?

2.2. Каким будет день после выпуска?

Юношество накануне выбора жизненного пути в повести «Ночь после выпуска» (1974 г.)

Над повестью «Ночь после выпуска» писатель работал кропотливо: до выхода в свет она выдержала пять редакций, каждая существенно отличалась от предыдущей. Эта повесть-диспут о влиянии школы на нравственное созревание личности считается произведением предельной социальной заостренности. Как и многие сочинения Тендрякова, она вызывала споры среди учителей, родителей, учеников. Были и «круглые столы» с участием директоров школ, учителей, библиотекарей, преподавателей вузов и критиков.

В «Ночи после выпуска» рассказывается о выпускном вечере во вполне благополучной школе. Выстроившиеся нарядные десятиклассники поделены здесь на несколько категорий: «несомненно способные», «своеобразные натурь», «другие» и – последними – «безымянные», которым от лица директора «школа желает всяческих успехов». Возглавляет выпускников ни с кем не сравнимая отличница, любимица учителей Юлечка Студенцова, девушка, которая «украсит институт любой страны».

Именно ей и предоставили слово для ответной речи. Но совершенно неожиданно выпускница сказала вовсе не дежурные слова благодарности учителям и родной школе от лица класса, она говорила от себя лично о своем страхе перед своей неподготовленностью к взрослой жизни и к выбору профессии: «Люблю ли я школу? – голос звенящий, взволнованный. – Да, люблю! Очень!.. Как волчонок свою нору... И вот нужно вылезать из своей норы. И оказывается – сразу тысячи дорог!.. Тысячи!.. По какой мне идти? Давно задавала себе этот вопрос, но отмахивалась, пряталась от него. Теперь всё – прятаться нельзя. Надо идти, а не могу, не знаю... Школа заставляла меня знать всё, кроме одного – что мне нравится, что я люблю. Мне что-то нравилось, а что-то не нравилось. А раз не нравится, то и дается трудней, значит, этому невраждующему и отдавай больше сил, иначе не получишь пятерку. Школа требовала пятерок, я слушалась и... и не смела сильно любить... Теперь вот оглянулась, и оказалось – ничего не люблю. Ничего, кроме мамы, папы и... школы. И тысячи дорог – и все одинаковы, все безразличны... Не думайте, что я счастливая. Мне страшно. Очень!». Слова Юлечки были, как гром среди ясного неба, сначала удивили, а потом заставили задуматься учителей, собравшихся после выпускного в учительской и подтолкнули шестерых одноклассников начать в парке жестокую словесную игру, во время которой они, не щадя друг друга, честно и открыто обвиняли друг друга в предательстве, лицемерии, эгоизме и чёрствости. До этого они считали друг друга друзьями, теперь привычное представление о дружбе рухнуло, юноши и девушки оказались одиноки и беззащитны накануне дальнейшего выбора своего жизненного пути.

В парке перед обелиском погибшим в Великой Отечественной войне собрались мускулистый и плечистый заступник за слабых, сын директора завода Генка Голиков, его друг философ и оратор, непризнанный будущий художник Игорь Проухов, картины которого на школьной выставке вызывали скандалы и споры «деревья сладко-розовые, а закаты ядовито-зеленые, лица людей безглазые, а цветы реснично-глазастые». А также Сократ Онучин, отрастивший до плеч нечесаные волосы с девичьей косынкой на немьтой шее, славившийся непревзойденным умением исполнять на гитаре песни Владимира Высоцкого. Вместе с юношами пришли Юлечка Студенцова, красавица Натка Быстрова, вслед которой оглядываются мужчины на улице, и Вера Жерих, не умеющая «ни петь, ни плясать, ни горячо спорить на высокие темы, но всегда готова заплакнуть над чужой бедой, помирить поссорившихся, похлопотать за провинившегося. И ни одна вечеринка не обходится без нее». Бывшие школьники чувствовали себя опьяненными свободными от школьной дисциплины и выпивкой, принялись искать ответы на главнейшие экзистенциальные вопросы: что же такое свобода, власть, в чем счастье? Свобода для всех или для некоторых, избранных? Игорь Проухов полагает, что он сможет покорить мир с

помощью кисти и красок, завоевать сердца людей живописью: «Забытый вами, презираемый вами до поры до времени, он где-нибудь на мансарде будет мазать кисточкой по холсту. И сквозь ваши монолитные черепа проникнет созданная им многокрасочная отравка: вы станете радоваться тому, что радуется нового Цезаря, ненавидеть то, что он ненавидит, послушно любить, послушно негодовать, окажетесь в полной его власти...». Но одноклассники считают, что его художественный талант никто не примет и он не сумеет стать Цезарем в живописи и умрет в нищете под забором. Ребята, как и Юля, понимают, что перед ними открыто множество путей личностного и профессионального самоопределения, но счастья при этом не испытывают. Они молоды и не хотят жить по уютному шаблону, хотя рискуют, но в то же время боятся совершить ошибку! И только увлеченный живописью Игорь Проухов нашел свое призвание и мыслит весьма неординарно.

Той же ночью в учительской постепенно разгорелся спор о том, кого и как должна воспитывать школа. От удивления и неприятия речи Юлечки Студенцовой – «За наши труды нас очередной раз умили» – педагоги задумываются над вопросом: для чего нужно школьное образование? Оказалось, что они не единодушны в подходе к воспитанию подрастающего поколения. Старейшая и заслуженная учительница русского языка и литературы Зоя Владимировна, отдавшая более сорока лет своей жизни педагогическому труду, признает только зубрежку и образование понимает как усвоение всеми знаний без личностного к ним отношения, что, как ни странно, по замечанию завуча Ольги Олеговны, способствует распространению невежества: «Преподносим неустойчивое, испаряющееся, причем в самой категорической, почти насильственной форме – знай во что бы то ни стало, отдай все время, все силы, забудь о своих интересах. Забудь то, на что ты больше всего способен. Получается: мы плодим невнимательных к себе людей. Ну, а если человек невнимателен к себе, то вряд ли он будет внимателен к другим. Сведения, которыми мы пичкаем школьника, улетучиваются, а тупая невнимательность остается... Так ли уж редко мы выпускаем людей ничем не интересующихся, ничем не увлеченных? Но должны же они занять чем-то себя, свой досуг. Хорошо, если станут убивать время безобидным забиванием козла, ну а если водкой... Мало ли мы слышим о пьяных подростках!»

Однако же неприятие Ольги Олеговны вызывает и стремление учителя физики Решетникова привить *только некоторым ученикам* любовь к его предмету, другим же он уделяет меньше внимания и сил.

Учителя приходят к парадоксальному выводу: отличница и активистка Юлечка Студенцова скорее всего не оправдает их больших надежд, «будет толковым инженером

или врачом, каких много», а не выделявшийся успехами в школе Эрик Лобанов стал известным профессором.

Владимира Тендрякова волнуют вопросы школьного образования и влияния его на духовное становление учеников. Особенно важны для этого уроки литературы. «Вся литература – набор сухих формул, которые нельзя ни любить, ни ненавидеть. Не волнующая литература – вдумайтесь! Это такая же бессмыслица, как, скажем, не греющая печь, не светящий фонарь. Получается: сорок лет Зоя Владимировна обесмысливала литературу. Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов глаголом жгли сердца людей. По всему миру люди горят их пламенем – любят, ненавидят, страдают, восторгаются. И вот зажигающие глаголы попали в добросовестные, но, право же, холодные руки Зои Владимировны... Сорок лет! У скольких тысяч учеников за это время она отняла драгоценный огонь! Украла способность волноваться!». Писатель полагает, что не прочувствованные, не ставшие своими знания для «пятерки», а не для жизни могут стать лишним грузом и принести вред ученикам.

В повести «Ночь после выпуска» Владимир Тендряков с присущей ему страстью проповедника призывает задуматься над одной из главных проблем школьного образования: школа, как правило, выпускает учеников, не готовых к взрослой жизни и свободному самостоятельному и увлеченному поиску своего призвания, не способных чувствовать и уважать достоинство другого человека.

Вопросы после прочтения повести В.Ф. Тендрякова «Ночь после выпуска»:

1. Что для вас значит: «быть счастливым» и «быть свободным»?
2. Кто из героев повести вам ближе и почему?
3. Предположите, как сложится жизнь Юли Студенцовой, Натки Быстровой, Генки Голикова, Игоря Проухова, Сократа Онучина, Веры Жерих?
4. Кто из выпускников наиболее талантлив?
5. Как вы думаете, помогает или мешает человеку идти по жизни его талант?
6. Почему, по мнению учителей, лучше всего состояться в профессиональном плане сможет Игорь Проухов, а, например, не Юлечка Студенцева?
7. Что значит слово «дружба» для вас?
8. Смогут ли бывшие выпускники стать друзьями по-настоящему, будут ли в дальнейшем общаться и помогать друг другу?
9. Что изменится в школе после спора учителей?
10. Чему должна учить школа и что воспитывать?

2.3. Не свернуть с выбранного пути

Становление художника в романе «Свидание с Нефертити» (1964 г.)

Роман «Свидание с Нефертити» во многом автобиографичен, он охватывает четкие временные рамки: июнь 1941 г. – март 1945 г. Канва произведения повторяет биографию автора: вечер накануне войны, война, Сталинград, тяжелое ранение под Харьковом, послевоенная деревня, учеба во ВГИКе. Писатель считал его незаконченным, часто возвращался к мысли о его продолжении. Роман переводился в ГДР, Румынии, Францию, ФРГ, был издан на многих языках народов СССР. Он интересен, наверное, прежде всего для художников и людей искусства, поскольку автор пытается здесь ответить на вопросы: что есть истина в искусстве и что такое подлинная красота?

В центре повествования – выпускник школы из глухой деревни Федор Материн, который мечтает стать художником и после выпускного вечера едет в Москву, находит художественный институт, беседует в мастерской с одним из его преподавателей, который показывает Федору скульптуру древнеегипетской царицы Нефертити и говорит, что юноша сможет стать художником, если откроет загадку неуявляющей красоты и завораживающей притягательности образа этой правительницы. «Федор не хотел ничему больше радоваться, не хотел ничего больше любить, вся душа без остатка принадлежала теперь Нефертити, только ей! И удивляли уже не одни только губы — мягкие надбровья над странными удлинненными глазами, изгиб тонкой, нежной шеи, мягкий овал скул. С минуту назад тупо глазел. Теперь прозрел! А это разве не чудо?» Но вдруг объявляют, что началась война. Профессиональные планы Федора Материна рушатся, он становится солдатом-связистом. Под перекрестным обстрелом и бомбами, в Сталинграде и под Харьковом деревенский юноша помнит о Нефертити, не раз ему приходится выбирать между возможной гибелью и стремлением к своей мечте: показать людям улыбку загадочной царицы.

Преодолевав трусость и стремление спасти себе жизнь, чтобы не ненавидеть себя за малодушие, Федор прошел все дороги войны. После демобилизации сначала он отправился не в родную деревню Матёру к родителям, а в залы Третьяковской галереи. На картины известных художников Федор теперь смотрит совсем другими глазами, глазами видевшего смерть солдата: «Вот и «Княжна Тараканова» – ей-ей, даже красивые барышни умирают прощя, безобразнее. Он помнит, как девка-красавица, жившая с немецким комендантом, спроваживавшая на тот свет каждого, кто косо на нее взглянул, сама своей рукой не брезговавшая расстреливать, валялась на площади, цепляясь за ноги солдат, целовала пыльные сапоги – сильная, гибкая, плотски-плотная, густые волосы рассыпались

по обнаженным плечам. Суриковские «Стрельцы»... «Боярыня Морозова»... Знакомы, очеиь знакомы, вплоть до лиловой ступни вродивого на снегу... Лиловая ступня напомнила ноги двух мальчишек. Стриженные головы, на острых, костлявых плечах какие-то длиннополые чуйки, похожие на рваные мешки, босые ноги утопают в талом снегу. Они стояли под виселицей. После них ужасаться – боярыню-матушку везут в цепях на простых дровнях...».

Только картина Валентина Серова «Дервиз с ребенком», на которой изображена хрупкая молодая женщина с доверчивым лицом, западает в душу, образ трогает его огрубевшее сердце беззащитностью и наивным неведением о человеческой жестокости. Под влиянием увиденного Федор идет в художественный институт узнавать о вступительных экзаменах и только потом едет в родную деревню. Отец, много скитавшийся по свету в поисках истины и смирившийся в старости, пытается отговорить сына от стремления стать художником: «Я, брат, скажу тебе вот что: держись возле земли, не отходи от нее, не след... По себе говорю, сам от земли бегал, теперь жалею. Нутром понял: возле земли проще, чище живется. Понять-то понял, но скрывать нечего – чего уж, – поздновато... Я сам всю жизнь правду искал. А правда-то, она, парень, проста. Да-а, проста... Жив – вот и вся правда. Жив, ешь, пьешь, спишь, работаешь, чтоб быть живу. Другой-то правды на свете нет, не ищи. Вот мать наша жить умеет, ей ничего другого не надо. А я вот не умел... И ты тоже глядишь куда-то поперек, тебе тоже надо больше, чем быть живу». Поддерживает планы Фёдора только его школьный учитель рисования. «Савва Ильич – учитель-самоучка, художник-самоучка, человек не семи пядей во лбу – случайно или по наитию сделал самое мудрое: подарил Федору чистую бумагу, краски и один-единственный совет: «Рисуй что хочешь». Он не стреножил мечту условиями». И Фёдор отправляется в Москву учиться.

Вот и первое испытание таланта: нужно нарисовать вроде бы простой натюрморт – «на табуретке, покрытой небеленым грубым холстом, стояла темная, почти черная бутылка, возле нее граненый стакан и два ярких, свежих лимона, сзади голубовато-серый фон стены». Молодой человек «ни разу в жизни не писал маслом, не держал в руках палитру», боится оплошать и вернуться в Матёру ни с чем. Он быстро наносит рисунок, использует яркие краски под неодобрительным взглядом преподавателя. Когда уже не осталось места на холсте, Фёдор начал рассматривать работы, над которыми трудились его однокурсники. «Странное дело, все смотрели на одну и ту же бутылку, на одни и те же лимоны, но ни на одном холсте не было одинаковых бутылок, одинаковых по цвету лимонов. Видели одно показывали разное». Через полчаса он понимает многие свои ошибки: «Бутылка есть, она похожа на бутылку, не назовешь ее горшком или чашкой. Но

ведь и про радугу на картине Саввы Ильича любой и каждый мог сказать: «Да, это радуга, а не церковные ворота». Бутылка, лимоны... Видел желтое, добросовестно красил желтым, видел черное – чернил. Краска Вячеслава Чернышлева, попав на холст, становилась веществом – стеклом бутылки, душистой и пористой кожей лимонов. У него, Федора, краска так и оставалась краской...». За полчаса молодой человек понял, что нужно открыть в простом сложное и суметь выразить душу обыкновенной пивной бутылки! «Если сейчас чуть-чуть углубить тон бутылки... Чуть-чуть, нельзя пересаливать! Чуть-чуть! Бутылка просит этого, требует. Она вдруг заговорила. Он, Федор, понимает ее язык! Федор, всё ещё не веря в удачу, робко взялся за кисть и палитру, начал смешивать краски. Чуть-чуть... Надо помнить об этом. Чуть-чуть, в норму, в этом самое главное...». Самыми капризными для отображения оказались лимоны, трудно было подобрать цвета: «И снова готов был отчаяться, от отчаянья решился на дерзость: что, если тронуть ярко-желтый бок лимона зеленым, самым светлым, зеленым на грани с желтым! Но это же не тот цвет, какой видит глаз, – против природы, против природы, против истины. И всё-таки Федор решился. От возбуждения задрожали руки. Тот мазок, который на палитре казался зеленым, на холсте стал желтым, лимонным, таким, каким и должен быть. Правда, какую искал!»

Так, постигая парадоксы художественного творчества в спорах с друзьями и голоде послевоенного времени, Федор Материн становится талантливым профессиональным художником. Однажды он вновь видит скульптуру Нефертити: «Была царицей, жила в Египте, говорила на чужом языке... Не верится! Где-то ее встречал. Ждешь — вот-вот с губ сорвутся понятные слова, ждешь их, не веришь, что ей больше трех тысяч лет. Исчезла грань между мертвым и живым, между тысячелетиями и минутами – ждешь оброни слово любящему тебя». Преподаватель живописи Валентин Вениаминович учил словом, давал полезные советы, но, оказывается, в творчестве важна еще и дерзость, которой научить нельзя.

Для современных будущих художников и других учащихся, наверное, будет любопытно узнать подробности буден студентов художественного института конца 40-х – начала 50-х годов прошлого века: «Утром кружка кишятка с куском хлеба, бегом до остановки троллейбуса, мастерская, старик, холст, время, отведенное для рисунка, занятия по пластической анатомии, лекции по истории искусств, по марксизму-ленинизму, группа французского языка под надзором доброй Сарры Израильевны, звавшей своих великовозрастных небритых воспитанников «деточками», щедро ставившей пятерки и четверки за вологодское оканье с прононсом. В промежутках пропахшая щами подвальная столовка, где к студентам-художникам относились с придиричивым подозрением, так как

было известно, что они великие мастера подделывать разовые талоны на обед. Потом Федор бежал в библиотеку и читал книги по истории, по искусству, просто те, о которых слышал похвальное слово. Читал, чтобы походить на Вече Чернышева, чтобы не молчать при спорах... Возвращался в общежитие уже ночью и торопливо ложился спать, так как не мог забыть, что в кармане пальто, завернутый в газету, лежит кусок хлеба. Его нельзя трогать, иначе утром побежишь наощак, весь день будет мутить от голода. Утром опять в прежнем порядке, начиная с кружки кипятка и этого куска хлеба...».

Вскоре после начала учёбы пришло к Федору и понимание, что его учитель Савва Ильич бездарен, но, чтобы не причинить старику боль, он скрывает своё отношение к его художествам и даже просит своего талантливого друга написать «хорошо» на картине Саввы Ильича, чтоб утешить бывшего наставника, испытывая чувство благодарности за то, что бесталанный учитель увидел в нём дарование и поддерживал, как мог. Его часто терзает сомнения в своей талантливости, страх оказаться пустоцветом и подтвердить правоту отца: работа пахаря важнее и нужнее искусства. Но всё же Федор перерастает своего институтского преподавателя, его картины становятся известны.

Но, чтобы не жить на унижающем достоинство иждивении более благополучных друзей, Федору и после окончания учёбы приходится работать грузчиком, оформлять витрины магазина «Гастроном», быть помощником маляра. В житейской суете и необходимости «кормить картину» (заниматься работой только ради денег) забывается высокое искусство, но Федор верит в свой талант и твердо помнит слова своего преподавателя живописи: «Готовьтесь к тому, что вас изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год будет мучить один простой и страшный вопрос – что есть истина? Что есть истина в искусстве? Вам нужно ее открыть, вы обязаны ее открыть, а открыть невозможно. Полного ответа нет. И вы будете страдать от собственного бессилия, вы будете презирать себя, ненавидеть себя, вы станете своим врагом. И не дай вам бог отмахнуться от страшного вопроса, на минуту – хотя б на минуту! – забыть о нем. Тогда будет покойная жизнь, мир в душе, довольство собой, ожирение, но художник в вас умрет...». В трудную минуту учитель приходит на помощь и предлагает заказ. Но Материн отказывается сделать для одного учреждения копию картины директора института «Колхозная свадьба» даже за очень хорошие деньги, понимая, что он – художник, а не копист, он хочет творить и создавать новое. («Он помнил московскую Нефертити, как звезду, как скрипку, как смех детей»). И после долгих попыток и переделок ему удаётся завершить картину на военную тему, изображающую реальный эпизод: посреди советских солдат пленный румын с заскорузлыми грязными пальцами играет на скрипке. И снова тревога: не исчерпал ли таланта и не показал ли уже всё, на что

способен? «Он постепенно начал понимать, почему неудачна картина. Скрипач слишком плохо связан с миром, он не центр вселенной, он лишь частица ее. Ноги шагают мимо скрипача, свет разливается сам по себе, один молодой солдат с увлечением слушает, только он обратил внимание на румына. Картина без центра, без духовного центра – просто пейзаж со скрипачом, с маленькой сцепкой на переднем плане. Кажется, начинает понимать... Дома он разглядывал свою картину уже без отчаянья, без отвращения, с любопытством, изучающе... Надо ломать, надо начинать всё заново. Это намного легче, чем ломать всю жизнь». С раннего утра он бросался к холсту, забывал обедать, спал урывками, даже по ночам в темноте мысленно рисовал. «Было еще светло, Федор работал один. Он в очередной раз отошел от холста, чтобы охинуть его взглядом. Отошел, постоял и вдруг понял – перелом. Картина еще далеко не кончена, но судить о ней уже можно смело. Сомнений нет – удача. Тревогой и опасностью пропитан воздух, низкое небо угрожающе давит на плоскую землю, и грубо, до жесткости ласкают раздавленные руки скрипку... В позе скрипача страсть обезумевшего непонятно совмещается с отрешенным покоем. Солдатские руки висят у него над головой, руки слушают... Кажется, что вся широкая степь звучит, отзывается, как оконное стекло. И всё должно отражаться в одной точке, в лице присевшего на корточки солдата. Лица самого пока нет, вместо него незаписанный кусок холста. Но и этот кусок уже не молчит, от него ждешь чего-то необычного, невероятного. Как трудно будет подыскать лицо. Написано нервно, с той грубой и свободной силой, с какой скрипач мнет рабочими руками нежную, хрупкую скрипку...».

Полон оптимизма и веры в созидательные силы человека, творящего красоту: «Нет Саввы Ильича, есть он, Федор. И Федору не на что жаловаться – его ждёт почти оконченная картина, ждёт близкая победа, есть силы, несокрушимое здоровье, талант, есть преданность своему труду и, наверное, есть дерзость. Не на что жаловаться!»

В автобиографическом романе «Свидание с Нефертити» Владимир Тендряков раскрывает проблемы художественного творчества, показывает, что поиск истины в искусстве (а только ли в нём?) неоднозначен и связан с большим трудом, творческим накалом сил и энергии личности. Кроме поддержки семьи и школы, человек сам должен преодолевать препятствия на пути к избранной профессии, как Федор Материл сумел, пройдя через страшную войну, непонимание родителей, страх оказаться неспособным свободно творить, к заветной цели – стать настоящим художником.

Вопросы после прочтения романа «Свидание с Нефертити»:

1. Что нового узнали вы о профессии художника, прочитав роман? Что поразило вас больше всего?
2. Какими качествами должен обладать настоящий художник?
3. Что такое талант и какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать талантливый человек?
4. Как вы думаете, почему Федор Материн не погиб на войне?
5. Что такое вдохновение?
6. Испытывает ли Федор вдохновение после удачного завершения работы над картиной?
7. Почему молодой художник отказался делать копию известной картины?
8. Что общего, по вашему мнению, между талантом художника и талантом писателя? В чём разница?
9. Согласились ли бы вы с Федором, когда он скрыл правду от Саввы Ильича о его негалантности и почему?

2.4. Профессиональное самоопределение «сквозь призму истории»

Повесть В. Ф. Тендрякова «Шестьдесят свечей» (1980 г.)

Повесть «Шестьдесят свечей» автор пытался напечатать в журналах «Дружба народов» и «Новый мир» в 1967 г., но к читателю она пришла только в 1980 г., претерпев несколько редакций. Она тоже вызвала споры вплоть до полного несовпадения мнений. По повести в 1991 году был снят фильм «Черный коридор», она издавалась в Болгарии, ГДР, Чехословакии, Японии.

Примечательно, что главным героем произведения стал не просто учитель, а учитель истории, уже пожилой, уважаемый в г. Карасино шестидесятилетний человек – Николай Степанович Ечевин. Повествование ведётся от первого лица в исповедальной манере. В день своего юбилея среди поздравительных писем и телеграмм он обнаруживает неожиданно письмо с обвинением в том, что он «многолетний очаг общественной заразы» и его следует убить, за анонимной подписью «ваш бывший ученик». Недоумевающий учитель истории начинает искать врагов в своем окружении: он подозревает жену, дочь, свою первую любовь, своих учеников, но потом он обращает взор вглубь себя и с тревогой осознаёт, что на протяжении своей жизни был не таким уж

хорошим человеком, каким он сам себя считал. И стремясь делать добро, принес людям много зла.

Ечевин родился в бедной и неблагополучной семье, мать ни разу не погладила его по голове, называла «хлебогадом», «прорвой», «пикостылым семенем», а отец-сапожник под пьяную руку из мальчишки «давил масло». Свет в окошке Коля увидел, когда в его жизнь вошёл учитель Иван Семенович Граубе, содержавший школу для бедных детей на деньги своего богатого брата. Он дарил мальчику подарки, давал книги и внимательно относился к его жизни. Повзрослев, Николай полюбил его дочь Таню.

После революции школу возглавил выходец из социальных низов, идейный борец за революцию Иван Суков, потребовавший отмежеваться от учителя Граубе. И Ечевин после неудачной попытки уговорить Таню отказаться от отца, как классово-чуждого элемента, предал любимого учителя.

Спустя десятилетия он исковеркал жизнь собственной дочери Веры, настояв на ее исключении из школы, когда она в шестнадцать лет забеременела от учителя физкультуры, дочь вышла замуж за алкоголика, и, не видя любви и ласки в семье, примкнула к баггистской секте. Отец также мог исковеркать и жизнь её сына, если бы Вера не прибегла к угрозе самоубийства.

После войны учитель Ечевин из благих побуждений убедил ученика Сергея Кропотова не защищать честь своего отца, обвиненного в сотрудничестве с гитлеровцами на оккупированной ими территории. Он и оказался анонимным автором письма с угрозой, изменившего весь внутренний мир Николая Степановича.

Как же относится историк к своей профессии, к её событиям и личностям? Оказывается, вполне равнодушно: «Люблю историю... Когда-то к событиям давно минувших веков я относился с молодой страстностью. Я лютой ненавистью ненавидел Святополка Окаянного и восторженно почитал Святослава Игоревича. Все столетия были переполнены моими личными друзьями и недругами. Детское неравнодушие, им часто болеют даже прославленные историки. *Давно уже нет у меня личного отношения к Святополку Окаянному, плох он или хорош, наивный вопрос.* Он просто часть того времени, той далёкой жизни, той почвы, из которой выросли мы с вами. Если бы Иван Калита оказался человеком благородным, то вряд ли ему удалось бы под татарским игмом сколотить сильное Московское княжество. Беспринципная лесгь и неразборчивое ловкачество – оружие Калиты, не будь его, как знать, сколь долго существовала бы ещё татарщина и как бы выглядела теперь наша Россия? Люблю историю такой, какая есть. *чтоб ни случилось со мной, со страной, со всем миром, я уже знаю – бывало и не такое, ничему не удивляюсь*». Ученые считают, что именно способность человека удивляться и

рождает философское мышление, способность искать личностные смыслы и открывать новое. Ечевин подчинился объективным обстоятельствам времени и согласился мыслить, как винтик, жить по формуле «цель оправдывает средства», отказался от личного мнения, духовно умер.

Несмотря на интересные методы преподавания им своего предмета, например, еженедельные задания ученикам седьмых – десятых классов написать сочинения на определенную историческую тему, иногда самую неожиданную, не по изучаемой в данный момент по программе, *такое же равнодушие* Николай Степанович *востыивает и у учеников*, заставляя их воспроизводить факты. Его воспитанники «всегда поражают широтой знаний на экзаменах», но *сопереживать* историческим событиям и людям в них действующим, *думать* над фактами не учатся.

Переломным моментом в осознании своей педагогической несостоятельности послужил разбор сочинений десятиклассников об эпохе Ивана Грозного. Во всех сочинениях красиво рассказывалось о прогрессивной роли грозного царя в становлении могущества Российского государства, и только ученица Зоя Зыбковец, ссылаясь на историка XIX века Н. И. Костомарова, осмелилась утверждать «не в духе времени, не по нашему», что Иван Грозный «не мог желать людям лучшего. Если он давил бояр, то просто от злобы. Если и был в его время какой-то прогресс, то это не Ивана заслуга». И учитель задумывается, какую же отметку поставить за сочинение, чтобы, как говорится, были «и волки сыты и овцы целы». В классе на уроке он начинает по-иному смотреть на своих учеников. Особенно Николая Степановича начала тревожить и им привитая способность его учеников в угоду школе, обществу, строю, той самой «объективной воле», не раздумывая, оправдать даже убийство во благо государства и общества. Учитель понимает, свой грех: он «не воспитал негодования к убийству». Вот Лена Шорохова – «лучшая ученица, чемпион в классе по ответам», звучным убежденным голосом смело провозглашает, что большие исторические дела царя Ивана важнее убийства «каких-то дьячковых жён», в то время как «в её возрасте мысль об убийстве даже мышонка должна вызывать отвращение». А за свою долгую педагогическую практику в школе он видел немало Лен Шороховых, любил их, не понимал бунтарей и правдоискателей, не замечал скромных со своим мнением.

Хочется привести характерный диалог Николая Степановича и Лены, который состоялся после уроков, поскольку он касается безличностного отношения Лены к выбору профессии, зависящего не от неё самой, а от обстоятельств и мнения учителя:

« – Какой предмет ты больше всего любишь? – задаю я Лене бдальный вопрос.

И она, тем не менее, сразу не отвечает, загнав соболиные брови под беретик. думает. У нее по всем предметам круглые пятёрки, какому отдать предпочтение?

– Историю ты любишь?

– Да, Николай Степанович.

– А черчение?

– Черчение? – переспрашивает она удивленно.

Я нарушил субординацию: после истории, своего – понимай, наимущественнейшего! – предмета я вдруг спрашиваю о каком-то черчении.

– Люб-лю, – говорит Лена на всякий случай.

– А математику?

– Люблю.

– А литературу?

– Люблю.

– А биологию?

– Люблю тоже.

– А что же ты не любишь?

Лене неловко от своей любвеобильности, и она несмело поправляется:

– Я вам не совсем верно сказала Николай Степанович. Черчение я не очень. Кропотливо, время отнимает, а ни уму, ни сердцу.

– А кем ты собираешься стать?

– Точно пока не скажу... В какой-нибудь технический вуз.

– В технический? Но ты же черчение не любишь, а там это основной предмет. И зачем тебе технический? Ты же любишь историю.

– Что же. Я не прочь на историка...

– Или же на физико-математический! Там черчение не нужно, готовят не техников, а теоретиков.

– Я бы туда с удовольствием, только ведь не каждый попадёт...

– А биология... Впрочем, мы, кажется, уже дошли. Мне направо... Всего хорошего.

– До свидания, Николай Степанович, – бормочет несколько растерянная Лена.

– А черчение ты полюби... на всякий случай.

– Хорошо, Николай Степанович».

Внутренне изменяющийся под влиянием угрозы убийства учитель истории не сможет уже, наверное, написать хорошую характеристику на эту девушку, и себе хорошую характеристику он дать теперь не может.

Нравнодушный к жизни, к истории, к науке, к людям Владимир Тендряков ставит в повести «Шестьдесят свечей» проблему воспитания школой безразличного и обезличенного отношения к миру, личностной незрелости, неготовности старшеклассников самостоятельно разобраться в своих интересах, увлечениях и способностях (да хотя бы надо иметь их!) и осознанно выбрать профессию. Писатель поднимает и проблему духовно-нравственного потенциала педагогических кадров, неспособности некоторых учителей заражать учеников энергией поиска смысла жизни.

Вопросы после прочтения повести «Шестьдесят свечей»:

1. Как вы относитесь к урокам истории?
2. Какие исторические события вас волнуют, а какие нет? Почему?
3. Как вы считаете, пригодятся ли вам в жизни те знания по истории, которые вы получаете в школе? Почему?
4. Как вы относитесь к спору о личности Ивана Грозного, чье мнение вы поддерживаете?
5. Кто и что влияет на выбор профессии?
6. Какие предметы школьной программы вам интересны больше всего? Почему?
7. Как вы считаете, кто виноват в том, что Сергей Кропотков захотел убить своего учителя, уговорившего его отказаться от отца?
8. Почему Ечевин думает, что Таня Граубе простила ему предательство?
9. У повести «Шестьдесят свечей» «открытый финал», она кажется не законченной, автор предлагает домыслить ее окончание. Какое бы придумали вы?
10. Какие характеристики вы бы написали Лене Шороховой, другим старшеклассникам?

Заключение

В произведениях Владимира Тендрякова содержится богатый материал, связанный, казалось бы, с не совсем уместной для рассмотрения в художественной литературе темой – темой профессионального самоопределения человека – поиска им личностных смыслов трудовой деятельности. Именно этот плодотворный поиск дает человеку чувство собственного достоинства, ощущение счастья, полноты и постоянной, неиссякаемой новизны бытия.

Для В.Ф. Тендрякова как личности и писателя-профессионала, прошедшего сложный путь личностного и профессионального становления, поиск смыслов профессиональной деятельности неизменно и тесно переплетается с поиском смыслов жизни и назначения человека. По мнению писателя, невозможно стать творческой личностью в любой профессии, не пережив увлечения: «Только увлечение перерастает в страсть на всю жизнь, страсть, подчиняющую все другие желания, все силы, делает человека целенаправленным, толкает на поиски, заставляет творить». Отказ от исканий духовных смыслов, от самосовершенствования и преодоления препятствий приводит к оскудеванию духовно-нравственного потенциала человека, делая его социально опасным явлением для всего общества.

Приложения

Приложение 1.

Высказывания Владимира Тендрякова о писательском труде.

- Как писателю, мне повезло. Я попал в счастливое десятилетие. Сама жизнь дала возможность встать на ноги, окрепнуть, заговорить о серьезном. Если бы не XX съезд партии, навряд ли нашему поколению удалось пробиться сквозь плотную гладкопись лакировочной «литературы» и сделать то, что нам удалось сделать. [2, 586]
- В своих произведениях я высказываю не чьи-то мысли, не чьи-то ощущения, а только свои. Именно для их выражения я и призываю различных литературных героев, как разделяющих мои взгляды, так и отвергающих их. Те и другие, в одинаковой мере, для меня средство самовыражения. [3, 611]
- Художник должен быть более правдивым, чем сам факт. Он обязан не только показывать то, что характерно для жизни, и преувеличивая характерное, доводить его до исключительности. [3, 615]
- Искусство жить не укладывается ни в какие трафареты. Невозможно дать готовых рецептов. Я сам их ищу. Поставить вопрос не менее важно, чем решить его. [4, 652]
- Литература, которая не заставляет думать, не нужна жизни. [4, 658]
- Меня порой упрекают за то, что мои герои много спорят. Но если я пытаюсь представить своих героев так, то делаю это не только затем, чтобы показать о чём и как они думают, но чтобы подтолкнуть к спору, к размышлению и читателя. [4, 661]
- Есть вещи, которые легко сложились. Но такого, чтобы представить себе вещь сразу от начала и до конца и ничего не менять в ней. – такого не случалось. Да это было бы скучно – писать и не находить открытий. Ужасно писать, когда всё знаешь. Самые лучшие, самые содержательные куски появляются в процессе работы. Случалось другое: если я какую-то вещь вынашивал и обдумывал до мельчайших подробностей, то мне потом трудно было её писать: нет открытий. Только когда обрастает она новым «мясом», мне становилось легко. Так, наверное, пошли у меня «Весенние перевертыши». Вдруг возникли какие-то куски

мальчишеской философии. идеи бесконечности вселенной и повторяемости каждого живущего на земле. Вы представляете, как я был изумлён, когда Дюшка вдруг сам пришёл к открытию, что Римка могла когда-то родиться Натальей Гончаровой, только она сама этого не знает, не помнит. Это для меня было неожиданностью. [4, 664]

- Да, я показываю жизнь очень сгущено. Но ведь нельзя же заставить читателя ждать пока это всё зарастёт и совместится. Литература сама по себе условность, и время романное, время повести не может и не должно совпадать с реальным, потому что повесть или роман – это не копия, а сгусток, концентрат жизни. Настоящее искусство, в том числе и литература, должно *выбирать* из жизни самое существенное. [8, 75]
- Обучать нравственности – это по сути, обучать умению жить... Более ёмкого хранилища, чем художественная литература, мне думается, у людей пока нет. [4, 667]
- Расшевелить общественную мысль, вызвать тревогу, заставить задуматься. Литература должна ставить вопросы, решать которые обществу. [5, 762]
- Нравственный призыв столь же важен, как и преобразование общественного устройства. Ни о каком преобразовании не может быть и речи, когда люди не проникнуты страстным желанием его. А желание, да еще страстное, не возникает у того, кто пребывает в анабиозе. Кто-то должен будить людей. [5, 763]
- Я никогда заранее не знаю конфликты. Я их ищу. А когда нахожу, то пытаюсь для себя разобраться. Иногда конфликт ведёт к хитрому выводу. Я его специально не вставляю в повесть. Иногда моих сил не хватает. Тогда я останавливаюсь и призываю читателей дорешить конфликт вместе со мной... В этой многообразной противоречивой жизни нельзя жить по трафарету. Жизнь порой опрокидывает даже такие, безусловно, нравственные правила как «Не убий»... Наука бессильна обучить умению жить в обществе, а искусство – да, может, в том числе и литература, которая постоянно ищет путей нравственного воспитания... Я не пророк, давайте думать вместе. [5, 710].

Высказывания деятелей литературы о писателе Владимире Тендрякове.

- Тендряков отличался резким своеобразием, он был решительнее других в постановке острых проблем, смелее в поисках художественной выразительности. С первых же его шагов в нём не было и следа нередкой для начинающих робости... В сочинениях чувствовалась исповедь сердца и жар надежд – крайняя необходимость того периода... В произведениях все привлекало свежестью: начиная от языка, цепкого, мускулистого, с зарядом напряжённой и стремительной энергии, нацеленной на выявление самой сути того, о чём говорил писатель. (*И. Крамов, исследователь творчества В.Ф. Тендрякова*) [1, 565]
- Сила Тендрякова в том, что он своей публицистичностью предостерегает людей от несправды и требует нравственного суда над её носителями. (*Г. Радов, писатель и публицист*) [1, 573]
- Прозе Тендрякова свойственна почти сейсмологическая чувствительность к актуальным сторонам жизни и литературного процесса, стремление связать разговор о человеке с разговором о человечестве. (*Н. Рубцов, писатель*) [4, 664]
- Ты писатель, не только не боящийся ошибок, стрессовых положений и состояний, но словно ищущий их. В этом плане за тобой, расхрабравшись, многие захотят пойти, – как пехота за танком. Какая плотность мысли, чувства, самого письма. Острое ощущение жизни. (*К. Ваншенкин, поэт*) [5, 763]
- Писатель романтической, публицистической манеры. В. Тендряков спокойно говорить не может: если крик, то во весь голос, если шёпот, то оглушительный. Всё на пределе, всё на краю пропасти... Тревожная душа писателя бьёт в набат, когда встречается с человеческим неблагополучием... Всё чаще Тендряков выходит за рамки своих сюжетов, потому что сами сюжеты для него всего-навсего частные случаи всемирных проблем. (*А. Горловский, критик*) [5, 766]
- Нравственные оценки расставляются писателем неукоснительно – он чужд какому-либо объективизму, – но их постижение и составляет главную трудность чтения книг Тендрякова, и, одновременно, едва ли не главное их обаяние. (*А. Эльяшевич, критик и литературовед*) [3, 767]

- Тендряков заражает читателя нравственно-философским напряжением за счет повышенного «достоевско-шекспировского» строя мыслей и чувств своих героев. (*В Сердюченко, критик*) [5, 767]
- Тендрякову-художнику, как Фаусту, подвластны метаморфозы, свободные переходы во времени, перемещения из прошлого в будущее. Как историк, он воссоздаёт прошедшие эпохи, как реформатор, готовит будущее. (*Р. Шредер, немецкий исследователь творчества В.Ф. Тендрякова*) [5, 778]
- ...каждое новое его произведение вызывало интерес читателей и критики, встречало признание, несогласие, будило мысль и совесть. (*Е. Сидоров, критик и литературовед*) [6, 5]
- Мало можно назвать современных прозаиков, кто бы с таким постоянством, с такой упорной страстью отстаивал право на постановку острейших социально-нравственных проблем нашего общества, кто бы день за днём задавал вопрос о смысле человеческого существования себе и своему читателю. (*Е. Сидоров, критик и литературовед*) [6, 5]
- Его книги вызваны к жизни жадной художественного познания действительности, стремлением писателя вынести своё суждение о ней, воззвать к нашему сознанию, воспитать или побудить в человеке общественное равнодушие. (*Е. Сидоров, критик и литературовед*) [6, 5]
- Его творчество всё отчётливее обозначалось системой координат «прошлое – настоящее – будущее» и «экономика – социология – нравственность», но, несомненно, в центре находилась личность, поиск более совершенной социальной структуры общества. Поиск этот обязывал подвергать сомнению все, казалось бы, самые устоявшиеся истины. (*Н. Асмолова-Тендрякова, жена писателя, журналист*) [5, 764]
- Тендряков ведь не только человек, взыскующей совести и справедливости, он и один из самых честных и отлично знающих жизнь современных прозаиков. И причудливое, далеко не всегда гармоническое сплетение «апостольства» и «обличения» сказывается, как водяной знак его личности, в любой повести. (*А. Бочаров, литературовед и критик*) [5, 770]

- Он мучается вечным вопросом: как повлиять на время, куда стремится поток истории, какие силы определяют его движение, есть ли возможность управлять ими? Можно ли вообще понять закономерности развивающегося мира? Почему ни один из проектов идеального устройства общества не принят жизнью? Присущи ли человеку нравственность и безнравственность изначально или они являются следствием здоровья или болезни общества? (*Л. Барташевич, критик*) [5, 777]
- Всю свою жизнь он мучился проблемами бытия, видел и старался писать бескомпромиссную правду, его социальный анализ поражает точностью, а мысль – упорством и бесстрашием... Может быть, впервые в русской классике художественному анализу подвергается сама всемирная идея гуманизма. (*Д.Тевекелян, писатель*) [5, 778]
- Его волновали проблемы воспитания молодежи, проблемы школы, религии, судьбы социальных утопий, социальная психология, история. В этом смысле он был, на мой взгляд, один из самых широких писателей в удивительно разнообразном круге интересов, при этом интерес его был интересом художника мыслящего – самобытно и глубоко. (*Д. Гранин, писатель*) [3, 620-621]
- Если люди будущего захотят узнать, как и чем мы жили в середине XX века, то без книг Тендрякова они этого не поймут. (*К. Икрамов, писатель*) [5, 779]
- Читать Тендрякова трудно, потому что не даёт он своим героям права на удаление от нравственной нормы, не объясняет, где и почему купить индульгенцию. (*К. Икрамов, писатель*) [7, 388]
- По своему пафосу, по бесстрашию писать о главном и о простом, Тендряков наследует традиции Льва Толстого. (*К. Икрамов, писатель*) [7, 589]

Список использованной литературы

1. Тендряков, В. Ф. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1 : повести / [сост., примеч. и подгот. текста Н. Асмоловой-Тендряковой ; вступ. ст. Е. Сидорова]. – М. : Художественная литература, 1987. – 575 с.
2. Тендряков, В. Ф. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2 : Тугой узел ; За бегущим днем : романы. – М. : Художественная литература, 1987. – 591 с.
3. Тендряков, В. Ф. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 3 : Свидание с Нефертити : роман ; Очерки ; Военные рассказы. – М. : Художественная литература, 1988. – 624 с.
4. Тендряков, В. Ф. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 4 : Повести. – М. : Художественная литература, 1988. – 671 с.
5. Тендряков, В. Ф. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5 : Повести ; Покушение на миражи : роман. – М. : Художественная литература, 1989. – 782 с.
6. Тендряков, В. Ф. Ночь после выпуска : повести / В. Тендряков ; [вступ. ст. Е. Сидорова] ; худож. Н. Сапунова. – М. : Детская литература, 2011. – 509 с.
7. Тендряков, В. Ф. Шестьдесят свечей : роман. Повести / В. Ф. Тендряков ; [послесл. К. Икрамова] – М. : Известия, 1985. – 592 с.
8. Зленько, Г. Я. Проблематика и поэтика прозы Владимира Тендрякова : монография / Г. Я. Зленько; Жезказганский ун-т им. О. А. Байконурова, Ин-т филологии и искусств, кафедра русского языка, литературы и журналистики. – Алматы: Жания-Полиграф, 2005. – 287 с.
9. Пряжников, Н. С. Профессиональное самоопределение : теория и практика : учеб. пособие для студ. вузов / Н. С. Пряжников. – М. : Академия, 2008. – 318 с.

10. Тендряков, В. Ф. Автобиография [Электронный ресурс] / В. Тендряков // Библиотека им. Тендрякова : официальный сайт. – Режим доступа:
11. Искусство | Литература. Тендряков Владимир Федорович [Электронный ресурс] / текст подгот. Елена Побегайло // Библиографический ресурс «Чтобы помнили». – Режим доступа : <http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=1434>

Оглавление

Введение.....	3
Гл. 1. Профессиональное самоопределение	
1.1. Что такое профессиональное самоопределение?.....	4
1.2. Путь профессионального самоопределения В.Ф. Тендрякова.....	8
Гл. 2. Решение вопросов «кем быть?» и «каким быть?» героями произведений В.Ф. Тендрякова	
2.1. Открытие многомерного мира Дюшкой Тягуновым. Самоопределение подростка в повести «Весенние перевёртыши» (1973 г.).....	13
2.2. Каким будет день после выпуска? Юношество накануне выбора жизненного пути в повести «Ночь после выпуска» (1974 г.).....	16
2.3. Не свернуть с выбранного пути. Становление художника в романе «Свидание с Нефертити» (1964 г.).....	20
2.4. Профессиональное самоопределение сквозь призму истории. Повесть В.Ф. Тендрякова «Шестьдесят свечей» (1980 г.).....	25
Заключение.....	30
Приложения	
Приложение 1. Высказывания В. Тендрякова о писательском труде.....	31
Приложение 2. Высказывания деятелей литературы о творчестве писателя В.Ф. Тендрякова.....	33
Список использованной литературы.....	36